

А.А. ГЕРЦЕНУ

Публикация Л.Р. Ланского

Во второй половине 1869 г. перед Герценом остро встал вопрос о выборе постоянного местожительства для себя и всей семьи. После долгих колебаний он остановился на Париже, где явно ослабевал долголетний правительственный террор и появилась возможность скольконибудь спокойно жить и работать, без сделок с совестью и вечной оглядки на всесильную полицию.

Приехав 23 сентября из Брюсселя в Париж вместе с Н.А. Тучковой-Огаревой (уже носившей его фамилию) и их дочерью Лизой, Герцен занялся поисками подходящей квартиры. Здоровье его было сильно подорвано, и все мучительней напоминал о себе диабет. После бесконечной серии неприятных переживаний он испытывал крайнюю потребность хотя бы в кратковременном отдыхе и душевном покое. В Париже Герцен рассчитывал собраться с силами, приступить к исполнению давних творческих планов и изданию собрания своих сочинений на французском языке. Надеялся он и соединить, наконец, под одним кровом разбросанную по Европе семью, словом, начать новый жизненный этап.

Судьба, однако, решительно воспрепятствовала его планам и намерениям, внезапно обрушив на него еще один неожиданный удар, от которого оправиться ему уже не удалось...

В своих воспоминаниях Тучкова-Огарева живо (хотя и с некоторыми неточностями) воспроизвела следующий эпизод, относящийся к 28 октября 1869 г.: “Мы сидели дома в небольшом салоне и почти весело разговаривали о том, что, вероятно, можно будет здесь устроиться (...) Вдруг подали письмо (!) Герцену от его сына, в котором последний говорил, что Наташа очень занемогла и что он просит отца немедленно ехать во Флоренцию. Зная здоровую комплекцию дочери, Герцен недоумевал и послал телеграмму, спрашивая, какая болезнь. В непродолжительном времени он получил ответ, потом сказал: “Лучше бы я узнал, что ее нет на свете”. В телеграмме было сказано: “*Dérangement des facultés intellectuelles*”. Ужасная неосторожность сына как будто парализовала его” (Тучкова-Огарева, 245; ЛЖГ, V, 274).

“Помрачение умственных способностей” – таков русский перевод полученной телеграммы. Психическое заболевание, поразившее любимую дочь Герцена, было вызвано настойчивым “ухаживанием” за ней слепого сицилийца (графа?) Пенизи, всеми средствами добивавшего ее любви. Герцена ужасала мысль о возможности брака дочери с каким-то “проблематичным” иностранцем да вдобавок неизлечимым калекой, и он потребовал ее немедленного отъезда в Париж. Опасаясь, что добыча ускользает, Пенизи буквально терроризировал перепуганную девушку и довел ее до опасного нервного срыва.

“Историю” с Пенизи Герцен считал одним из самых сильных и мучительных ударов своей жизни, прибавившим “много скептицизма” в его жизненное воззрение (XXX, 229).

Получив от своего сына-профессора (врача-психолога!) поразительную по бездушию и бестактности телеграмму, Герцен отправил ему запрос насчет состояния ее здоровья и возможности длительного переезда. Александр Александрович ответил отцу: “Она может ехать, но только с сопровождающей”. – “Отдаление отсюда было бы даже полезно, – продолжал он. – Это спокойное безумие. Устройся, чтобы провести с ней пару недель в уединенном месте” (“Лит. наследство”, т. 41-42, с. 528; уточнено по подлиннику РГАЛИ – ЛЖГ, V, 274).

“Сейчас твое второе письмо, – в смятении отвечал ему Герцен, – я в ужасе, не знаю что делать (...) Как мне ехать? (...) Возможно ли, чтоб меня Тата заставила решиться на такую безумную жертву?.. (XXX, 231).

Оставить в беде свою любимицу Герцен не счел возможным и решил немедленно отправиться в путь, хотя отчетливо понимал, что поездка эта будет иметь для него катастрофические последствия...

К письму Герцена Наталья Алексеевна сделала следующую приписку: “... Умоляю, побереги их обоих – помни, что удар может и его убить, это условие, которое все доктора ставят его болезни... Я буду его торопить к вам – как мучительно, больно и страшно за Тату. – Прощай” (XXX, 231).

Герцен “сидел в каком-то оцепенении, бледный и не думал собираться, – сообщает Наталья Алексеевна. – Очевидно нельзя было отпустить его одного, да и сам он сказал “Лучше поедем вместе”. Я живо уложила самые необходимые вещи, и мы, расплатившись в отеле и не успев проститься ни с кем в Париже, поехали наудачу на дебаркадер южных дорог, – там поезда ходят часто. Нам пришлось не ждать, а спешить (...) Мы ехали безостановочно. Это было очень тяжело для нас всех, в особенности для ребенка”, т.е. для одиннадцатилетней Лизы, которую решено было взять с собой. “Герцен ехал почти всю дорогу молча; внутренняя тревога, нетерпение виделись на его измученном лице”, – вспоминала его спутница (там же, 245).

À Paris le 20e de _____
 le _____ Mois _____
 Déposé le _____ à _____ h. _____
 Reçu par fil n° _____ le _____ à _____ h. _____

TELEGRAMME

Expédié à domicile le _____
 le _____

L'Employé, _____
 L'Employé, _____

REP-PAYÉE

PARIS FLORENCE 908 35 28 5/40 SR = A MERZEN GRAND HOTEL DU LOUVRE PARIS
 = VIENS SANS HESITER LE PLUS TOT POSSIBLE = NATALIE EST TRÈS INDISPOSÉE
 ET DESIRE BEAUCOUP TE VOIR = TELEGRAPHIE MOI CASA FUMI LE JOUR DE TON DEPART
 RÉPONSE PAYÉE / ALEXANDRE =

AVIS. — Dans les dépêches imprimées, les caractères ne sont pas l'appareil télégraphique. Le premier caractère qui figure après le nom du lieu d'origine indique le nombre des mots télé, les autres désignent la date et l'heure de départ.

ТЕЛЕГРАММА А.А. ГЕРЦЕНА ОТЦУ О БОЛЕЗНИ ТАТЫ ГЕРЦЕН
 (ФЛОРЕНЦИЯ. 28 ОКТЯБРЯ 1869 г.):

“Приезжай без промедления как можно скорее — Натали серьезно больна и очень хочет тебя видеть —
 Телеграфируй мне Casa Fumi о дне твоего отъезда ответ оплачен. Александр”
 Международный институт социальной истории, Амстердам

Из Парижа Герцены выехали 29 октября и на следующее утро прибыли в Марсель с опзданием на три или четыре часа, вызванным крушением какого-то предыдущего поезда, вследствие чего им очень долго пришлось ждать на стуже. В Марселе предстояло сесть на пароход, отправлявшийся в Геную. Передышку сделать не удалось — они не успели даже позавтракать. В пути Герцен сильно простудился и совершенно больным приехал в Геную, где оставил жену и дочь. В зависимости от обстоятельств он должен был решить, везти ли Тату сразу же в Париж или побыть с нею еще некоторое время в Италии. Публикуемое письмо Натальи Алексеевны к сыну Герцен повез с собой. Во Флоренцию он приехал 2 ноября. Встреча с дочерью потрясла его. Всю ночь он не спал, и нервы его “расстроились до слез и рыдания” (XXX, 234). На следующий день он вызвал к себе во Флоренцию Наталью Алексеевну (с Лизой), чтобы совместно ухаживать за Татой.

Приезд Герцена благотворно подействовал на девушку. Герцен не без основания считал, что буквально спас ее. Наталья Алексеевна приписывала, в основном, этот результат себе и тоже была права. “Мой уход увенчался успехом, — вспоминала она: — больная стала поправляться, мало-помалу сон и аппетит возвращались, но я напрасно искала выражения радости на мрачном лице Герцена: он был убит и не имел силы ни верить, ни надеяться на выздоровление любимой дочери. Он жил в каком-то болезненном выжидании...” (Тучкова-Огарева, 246).

В Париж Герцен с семьей возвратился только 18 декабря. Казалось, все обошлось благополучно и входит в прежнее колею... Но он был уже обречен. Жить ему оставалось только месяц и два дня...

Письмо печатается по ксерокопии с автографа *BN*. Впервые опубликовано М. Мерво в *LOANf*, 323–324.

Черновое

(Генуя. 1 ноября 1869 г.)

Мы не могли добраться так скоро — а душа изныла от остановок! Пожалуйста, не раздражайся на твоего отца — этот удар его сразил — может, будут опреки (!) — по моему, лучше не говорить о происшедшем — это потеря сил и времени — если можно,

ускорь их выезд. Истина так страшна, что хочу подняться, чтоб не растеряться окончательно. Может, глупо, что мы приехали, – любовь к Тате и страх за нее заставили все бросить – Мейз(енбуг) должна помогать насчет Лизы, чтоб я могла ходить за Татой, – верь в мою любовь, в мое страстное желанье видеть ее здоровой...

Не сердись же на Г(ерцена), раздраженье – следствие его болезни... Отстрани раздражительные разговоры – с любовью... скажи то же Мейзенбуг – может этот удар отозваться для нас новым несчастьем – проси у Мейз(енбуг) для меня ее помощь и дружбу – во имя Таты и Г(ерцена). – Без глубокого единства мы не выйдем из этого страшного испытания – Г(ерцен) скрывает, как он поражен, но я слишком его знаю, чтоб не понять, что происходит в нем.

Прощай, дай руку – у меня нет слов, чтоб тебе выразить весь мой ужас – всю мою боль.

Саше¹

¹За это письмо Саша поблагодарил Нат.Ал. в постскриптуме к письму отца от 3 ноября (см. ХХХ, 237).

Г.Н. ВЫРУБОВУ

Публикация Е.Л. Рудницкой

Имя Григория Николаевича *Вырубова* (1843–1913), видного последователя О. Конта, издателя (совместно с Э. Литтре) парижского журнала “Revue de la Philosophie Positive” – “Сент-Жюста позитивизма”, как иронически назвал его Герцен (ХХХ, 224), – довольно часто мелькает в письмах последних лет жизни писателя. Об их знакомстве, состоявшемся в 1865 г., и о взаимоотношениях писал Н.И. Андиферов в предисловии к публикации писем Вырубова к Герцену (“Лит. наследство”, т. 62, с. 55–56). Несмотря на серьезные идейные расхождения, Герцен до конца жизни сохранял с Вырубовым дружеские и деловые связи. Не последнюю роль играл в этом характер Вырубова: “Если б не его добродушие и незлобие, – писал Герцен Огареву в октябре 1869 г., – я перестал бы к нему ходить” (ХХХ, 224). К Вырубову была расположена вся семья Герцена. Во время его смертельной болезни Вырубов являлся для нее надеждой и опорой. За несколько дней до катастрофического исхода Наталья Алексеевна писала Огареву: “Вырубов более всех принимает участие и помогает” (“Лит. наследство”, т. 63, с. 482). Не случайно стал он и одним из душеприказчиков Герцена.

Публикуемые письма относятся к 1870–1871 гг. Он посланы были из Женевы, куда переехала из Парижа в конце февраля 1870 г. Тучкова-Огарева, и свидетельствуют о полном доверии вдовы Герцена к его молодому другу. Она видела в Вырубове человека, на которого может положиться как в решении личных проблем, так и – главное – в делах, связанных с судьбой литературного наследия Герцена и с увековечением его памяти.

Над французскими переводами произведений Герцена Тучкова-Огарева начала работать в последние годы его жизни. После его кончины она занялась ими особенно усердно. Много времени уделяла она и подготовке к печати его неизданных трудов, а позднее – так называемого “женевского” собрания сочинений, вышедшего в 1875–1879 гг. под редакцией Вырубова.

14 февраля 1870 г. старшая дочь Герцена сообщала из Парижа Огареву: “Natalie (<...> никогда не выходит, целый божий день сидит – то переписывает, то переводит...” В этой работе участвовал и Вырубов. Он, – продолжала дочь Герцена в том же письме, – “помогает Natalie переводить, и переводит он очень скоро и хорошо” (“Лит. наследство”, т. 63, с. 484).

Переводы эти вначале предназначались для парижских периодических изданий. Как видно из публикуемого письма от 21 июля, какая-то часть подготовленного перевода к тому времени уже увидела свет. В отношении остального предпринимались при содействии Вырубова дополнительные усилия. Результатом переводческой работы Тучковой-Огаревой явилась вышедшая в 1871 г. в Женеве на французском языке книга “Письма из Франции и Италии (1847–1852), переведены с русского г-жой Н(аталией) Г(ерцен). Издание детей автора” (Наталья Алексеевна с 1869 г. носила, как известно, фамилию Герцена). Она участвовала и в подготовке “Сборника посмертных статей Александра Ивановича Герцена”, отпечатанного в конце 1870 г. в женевской типографии Л. Чернецкого. На книге указано: “Издание детей покойного”. С подготовкой первого собрания сочинений Герцена в издании Георга, несомненно,